

LETTERE DI P. P. MURATOV A B. A. GRIFCOV*

Patrizia Deotto

L intensa e proficua amicizia tra Pavel Pavlovič Muratov (1881-1950) e il critico letterario, storico dell'arte e traduttore Boris Aleksandrovič Grifcov (1885-1951), studioso di letteratura francese e in particolare dell'opera di Balzac, a cui ha dedicato un'interessante monografia, ha inizio probabilmente tra il 1905 e il 1906, anno in cui entrambi collaborano alla rivista "Zori" (cf. Zajcev 1960: 41-42). Nel 1907 insieme a V. I. Stražev e a B. K. Zajcev sono tra i promotori del circolo letterario per scrittori esordienti, che organizza a Mosca la pubblicazione del giornale "Literaturno-chudožestvennaja nedelja" (1907, n. 1-4, 17 settembre - 8 ottobre).

Il loro rapporto coinvolge non soltanto la sfera professionale, ma anche quella privata: nel 1907 Muratov sposa Evgenija Vladimirovna Muratova (da nubile Paganuzzi), legata a Grifcov da una fraterna amicizia, e con lei si stabilisce nella casa in cui abitano Grifcov e la moglie Ekaterina Sergeevna Urenius, che in seconde nozze sposterà Muratov:

Я с Патей Муратовым и Грифцовыми поселились в одном доме на Арбате в Спасо-Песковском переулке. Мы жили на одной лестнице. Екатерина Сергеевна, как и полагалось "роковой" женщине, любила и даже считала обязательным быть окруженной поклонниками. Боря Грифцов, когда его счастье стало улетучиваться, чтобы скоротать время вечером, часто приходил к нам, наверх и мы отправлялись иногда втроем, иногда вдвоем куда-нибудь на лекцию, часто в консервато-

* Ringrazio per i preziosi consigli K. A. Kumpan, A. A. Danilevskij, N. V. Kotrelev e L. E. Razgon.

рию на концерт, Боря любил и знал музыку. Мы с ним много шутили, беседовали, говорили о жизни, мечтали о путешествиях, поверяли друг другу свои сердечные тайны. Отсюда и пошло название “кузина”, которое и сохранилось за мной до последних дней.¹

Una grande passione alimenta il loro sodalizio: l'interesse per l'Italia che li unisce fino all'autunno del 1922, quando Muratov decide di lasciare la Russia (Zajcev 1992: 340). La predilezione per la nostra penisola diventa il loro segno di riconoscimento nell'ambiente letterario del tempo tant'è vero che il filosofo Stepun nelle memorie (1990: II, 273) li definisce “два страстных русских италофила” e li ricorda così:

На многих докладах бывали снедаемые в серой, грязной Москве тоской по синей, светлой Италии редакторы “Софии” Грифцов и Муратов... (Степун 1990: II, 273).

Le lettere che pubblichiamo e i diari di Grifcov, conservati allo CGALI, sono una testimonianza tangibile dell'intenso dialogo dei due letterati: alle pagine zeppe di schizzi e agli appunti sulle città italiane si alternano schemi e piani per la pubblicazione di opere di Muratov ancora in fase di elaborazione. Questi taccuini ci rivelano che già nel 1910 Muratov progetta la stesura del III volume degli *Obrazy Italii* e concepisce la serie di racconti *Geroi e geroini* realizzata qualche anno dopo.² I loro nomi appaiono affiancati tra quelli dei collaboratori di “Vesy”, “Zolotoe Runo”, “Pereval”, “Russkaja Mysl” e “Sofija”, mensile d'arte e di letteratura ideato e diretto da Muratov, di cui nel gennaio 1914 esce il primo di sei fascicoli e la cui pubblicazione sarà bruscamente interrotta allo scoppio della prima guerra mondiale.³

Nel 1917 Muratov e Grifcov sono entrambi corrispondenti del quotidiano “Vojna i Mir”. E l'anno seguente collaborano ai giornali “Rodina”, “Naša Rodina” e “Ponedel'nik” (cf. Pasquinelli 1986: 95-

¹ Cf. i ricordi di E. V. Muratova conservati nell'OR Rossijskoj Gosudarstvennoj Biblioteki (F. 218, k. 1353, ed. chr. 6).

² Cf. Zapisnye knižki Grifcova B. A. s putevymi zametkami vo vremja putešestvija po Italii 1910-1914 (CGALI, F. 2171, op. 1, n. 32).

³ Sul sesto numero di “Sofija” l'editore annuncia che è costretto ad interromperne la pubblicazione poiché i membri della redazione, fra cui il promotore e responsabile della rivista P. P. Muratov, sono stati richiamati al fronte.

96). Alla fine della guerra sono di nuovo insieme a sostenere l'iniziativa del professore Odoardo Campa che nel 1918 fonda a Mosca lo "Studio italiano": vengono organizzati cicli di conferenze presso l'Università Sanjavskij cui i due letterati partecipano con interventi sulla pittura e la letteratura italiana.⁴ Dopo il rientro di Odoardo Campa in Italia Muratov viene nominato presidente dello "Studio italiano", coadiuvato dal vicepresidente, A. K. Dživelegov e dal segretario, S. V. Šervinskij (Grabar' 1977: 320; Muratov 1923: 361). Nel 1918 Muratov con Chodasevič si fa promotore della "Knižnaja lavka pisatelej" (Chodasevič 1982: 10; Osorgin 1923: 38-40) che è non solo punto di vendita, ma anche luogo d'incontro per l'*intelligencija* moscovita, e Grifcov è impegnato in prima persona nell'iniziativa: conosce a menadito la collocazione dei volumi negli scaffali e tiene scrupolosamente il registro delle entrate e delle uscite (cf. Zajcev 1960: 130; Stepun 1990: II, 280). L'ultima testimonianza della collaborazione tra i due letterati è il libro scritto a quattro mani, dedicato all'opera del pittore Nikolaj Pavlovič Ul'janov,⁵ loro comune amico, pubblicato nel 1925, quando Muratov si trova già in esilio.

Le lettere che seguono non solo permettono di cogliere il rapporto di solida amicizia instauratosi fra i due autori, ma illuminano sul percorso letterario di Muratov tra il 1912 e il 1917, anni in cui lo scrittore e critico d'arte manifesta i diversi aspetti della sua poliedrica personalità: pubblica *Obrazy Italii*, originale viaggio letterario volto a fermare nel tempo quelle impressioni che nell'immaginario russo fanno percepire l'Italia come Terra promessa; si dedica allo studio delle icone, traduce scrittori italiani, francesi e inglesi, si cimenta come autore di racconti e durante la prima guerra mondiale riprende a scrivere, come nel 1904, articoli di strategia militare, in cui espone le sue riflessioni sul conflitto in corso.

Queste 8 lettere di Muratov a Grifcov, scritte tra il 1912 e il 1917, sono conservate nel fondo Grifcov (CGALI, Fondo 2171, op. 2, n. 7). Per l'ortografia e la punteggiatura ci siamo attenuti alle regole del russo moderno. Le sottolineature del testo sono rese in corsivo.

⁴ Cf. Raspisanie zanjatij Obščestva Instituta Ital'janskoj Kul'tury 1918 (OR Rossijskoj Gosudarstvennoj Biblioteki, archivio Kampa, n. 1, N.6. E ancora: M. I. Grifcova 1979: 260-266.

⁵ P. Muratov-B.Grifcov, *Nikolaj Pavlovič Ul'janov*, Gosizdat, Moskva-Leningrad, 1925.

Рим, 3/16 [февр.] 1912

Дорогой Боря,

письмо твое о книжке¹ меня очень обрадовало и несколько разволновало. Сам я окончательно не знал бы что думать о ней. Во всяком случае мои заключения не шли бы дальше формы. За формой я смутно различаю что-нибудь в моих писаниях. Но это не значит, что только их форма меня интересует. Напротив, и чем дальше, тем все больше напротив. Но самому это нелегко увидеть. В себе-то я что-то может быть и вижу, но *не узнаю* то же самое в книге. Ты пишешь например об уклоне к христианству. Значит это было уже тогда, когда я писал. А сейчас могу сказать твердо, что такой уклон во мне есть. Христианство — понятие разумеется опять же как естественная способность человек[еской] души, существовавшая и может быть даже *родившаяся* в античном. Трудно это объяснить подробнее. Ну скажем так. Марий Эпикурец² умирает на пороге христианства, не переступив порога. Мне дороже всего, что он подошел и не успел переступить. Еще пример. Я люблю душу чистилища.³ Может быть напишу когда-нибудь о нескольких любимых писателях назвав книгу именно Души Чистилища.⁴ Я не понимаю демонизма и не люблю ад⁵ (декадентство отчасти!) Не люблю я и рай. Наверно настоящие христиане стали бы презирать за это. Вот Эрн⁶ например (сейчас он здесь). Он любит рай, Франц[иска] Ассизского, Беато Анджелико⁷ и т. д. Может быть все это, т. е. у меня-то, даже и не христианство. Но без христианства этого тоже нет. Не о знаменитом 'Синтезе' христ[ианства] и язык[ества]⁸ я говорю и даже не о прообразах христианства в язычестве — слишком буквальных. Мне кажется есть какая-то естественная религия, без которой просто даже и жить невозможно. И в христианстве ее очень много.⁹

Так думается мне иногда и никогда и никому до сих пор я не высказывал этого.

Года три назад тут в Риме я меньше сознавал все это. И вот как бывает в жизни! Перевожу я сейчас новеллы.¹⁰ Когда-то очень хотел делать это. Сейчас как-то отошел в сторону и животный их дух иногда тяжел. Всякую работу связанную с Италией, я в сущности сейчас приканчиваю только. А где-то

в глубине души сидит мечтание об иконах. Это и есть, конечно, теперь настоящее для меня дело. Не думаю, что оно связано с тем, что писал о религии. Напротив! Пока это чистейшая эстетика и увлечение глаза и мысли.¹¹

Во всяком случае скажу так : умереть сейчас мне было бы жалко, не поработав как следует над иконами. И вот за каким делом придется ехать в Грецию, но что скажет Греция, это опять совсем еще неизвестно. И будет это во всяком случае нескоро. А может быть если нескоро, так и никогда не будет?¹² Может быть! Но итальянское надо довести.

В заключение маленькая просьба. Если будет что написано о книге¹³ пришли, когда возможно. И еще: купи за 8 гривен Бекфордова Ватека¹⁴ (он уже вышел) и прочти. Интересно, как тебе покажется. И не будут ли чего писать тоже о Ватеке.¹⁵ Прощай.

Душевно преданный тебе

П. Муратов

¹ Si tratta di *Obrazy Italii*, Moskva, Naučnoe slovo, 1912, vol. II.

² Si riferisce al romanzo di Walter Pater *Mario l'epicureo* (1885). Nel 1908 esce per la casa editrice V. M. Sablin la prima edizione dei *Ritratti immaginari* di W. Pater e del racconto *Il fanciullo di casa* nella traduzione e con la prefazione di Muratov, racconto precedentemente apparso con la stessa prefazione su "Russkaja Mysl'" (janv. 1908, pp. 72-90). Nel 1916 la casa editrice K. F. Nekrasov pubblica una seconda edizione dei *Ritratti immaginari*, in cui Muratov sostituisce il *Fanciullo di casa* con brani tratti da *Mario l'epicureo*. L'interesse di Muratov per i lavori di Pater è testimoniato anche da una lettera all'editore M. V. Sabašnikov del 2 ottobre 1913, in cui propone di pubblicare gli *Studi greci* di Pater, "очень глубокие статьи писателя, которого я очень люблю". [OR Rossijskoj Gosudarstvennoj Biblioteki, F. 261, архив Izdatel'stvo M. i S. Sabašnikov, k. 5, ed. chr. 59), ma il progetto non verrà realizzato.

³ Muratov riprende da Pater l'interesse per personaggi vissuti in epoche di transizione ed è emblematico che nel saggio su Botticelli (*Obrazy Italii* 1912: I, 179) citi dal critico inglese questo brano: "Боттичелли, — пишет Патер, — принимает именно то, что Данте отвергнул, как недостойное ни ада, ни рая, — тот средний мир, в котором находятся люди, не принимающие участия в великой борьбе и не решающие великие судьбы, но совершающие великое отречение". E Pater continua: " Quel che l'inte-

ressa non è né l'assoluta bontà dei santi, né l'assoluta malvagità dell'inferno dell'Orcagna; ma sono uomini e donne, nella loro condizione mista e incerta, sempre attraenti, rivestiti talvolta d'un carattere di vaghezza e d'energia dalla passione, ma perpetuamente attristati dall'ombra che su loro scende dalle grandi cose dalle quali si ritraggono" (Pater 1965: 67).

⁴ Quanto Muratov scrive nella prefazione ai racconti di Mérimée, tradotti da E. S. Urenius, ci induce a pensare che lo scrittore francese sarebbe rientrato in questo gruppo: "Никто не понял причин его бесплодия лучше Патера, сказавшего про Мериме, что "говоря богословскими выражениями, он был лишен благодати". Именно безблагодатность, а не безверие оказалась роковой для Мериме, как для писателя. Скептицизм его был достаточным ограждением от грехов и тяжестей жизненного путешествия. Но скептицизм был не в состоянии заглушить в нем сознание какого-то изначального, таинственного осуждения. Подобно Дон Жуану, которого с детства преследовали видения Чистилища, Мериме был преследуем с детства ощущением обреченности мира, то есть в сущности своей собственной обреченности" (Muratov 1913: VIII-IX).

⁵ Muratov condivide questo pensiero con altri scrittori e filosofi della sua cerchia; per esempio Berdjajev in *Самопознание* scrive: "Но самая идея вечных адских мук, безобразная и садичная, <...> в сущности, лишает ценности духовную и моральную жизнь человека. <...> В основании моего отвращения к учению о вечных адских муках лежит, вероятно, мое первичное чувство жалости и сострадания, невозможности радости и блаженства, когда существует непомерное страдание и мука" (Berdjajev 1991: 71).

⁶ Vladimir Francevič Ern (1881-1917), filosofo, pubblicista, collaboratore della casa editrice di orientamento religioso-filosofico "Put", fondata nel 1910 da M. K. Morozova. Autore di due volumi sulla storia della filosofia italiana (*Rosmini e Gioberti*), di una serie di articoli raccolti in *Bor'ba za logos* e di una monografia su G. S. Skovoroda. Nel settembre del 1913 pubblica sulla rivista "Bogoslovskij Vestnik" l'articolo *Pis'ma o christianskom Rime*.

⁷ Nel 1929 Muratov pubblica presso la casa editrice "Valori plastici" di Roma un saggio sul Beato Angelico.

⁸ Muratov allude alla trilogia di D. S. Merežkovskij *Christos i Antichrist*, in cui l'autore si fa portavoce di una nuova religione dello Spirito Santo: una sintesi tra il Primo Testamento, quello del Padre, della carne, e il Secondo Testamento quello del Figlio, dello spirito.

⁹ Cf. la prefazione di Muratov a *Italija* di V. Lee: "В книгах Вернон Ли

есть восхождение к мудрости; иногда на страницах этих книг слышится зов некоей религии, соединяющей чисто христианское ощущение благодати и бесконечности бытия с трогательным языческим культом малых божеств природы - речных богов, нимф и гения мест. Такую религию хочется назвать естественной человеческой религией..." (Muratov 1914: 10).

¹⁰ Si tratta dalla raccolta di novelle scelte e tradotte da Muratov: *Novelly ita-l'janskogo vozroždenija* (čast' pervaja: Novellisty trečento, čast' vtoraja: Novellisty kvatročento, čast' tret'ja i poslednjaja: Novellisty cinkvečento), K. F. Nekrasov, Moskva 1912. Lo scrittore propone un'ampia scelta di novellieri italiani del Rinascimento tra cui appaiono nomi rappresentativi quali Boccaccio, Sacchetti, San Francesco d'Assisi, Masuccio Salernitano, Bandello. Lo scopo è di far conoscere al lettore russo il Rinascimento non nei suoi momenti unici ed eterni, ruolo affidato alla pittura, alla scultura e all'architettura, ma nella sua quotidianità. La novella apre uno scorcio diverso sul reale, l'uomo perde la sua posa scultorea per presentarsi al lettore nel suo aspetto più autentico, vittima delle sue debolezze e in balia delle passioni. Muratov, quale ardente cultore delle epoche passate, vede nella novella un mezzo per far rivivere in un'aura romantica, reale *trait d'union* tra gli uomini del Rinascimento e i suoi contemporanei, lo spettacolo di una vita ormai scomparsa.

¹¹ In una lettera del 6 settembre 1912, inviata alla redazione di "Apollon" Muratov, di ritorno dall'Italia, informa Nikolaj Nikolaevič Vrangeli che Grabar' gli ha commissionato un saggio sulla pittura antica russa per la sua storia dell'arte. Nella lettera Muratov scrive che si tratta di un lavoro impegnativo, poiché richiede l'elaborazione di nuovi giudizi estetici, dati la scarsa qualità e l'esiguo numero di testi esistenti sull'argomento: "Об этом до того мало и плохо писалось, что даже в самой частной теме пришлось бы затронуть общее — теоретическое существо, методы подхода и главные оценки" (Archivio del Museo Russo, Fondo 97, S. K. Makovskij, ed. chr. 174). Questo saggio venne in seguito tradotto in italiano da E. Lo Gatto e pubblicato a Roma nel 1925 per la casa editrice A. Stock (cf. Alpatov 1976: 6). Inoltre Muratov scrisse alcuni articoli e quattro studi sulle icone, tra cui il più famoso *Les icones russes*, Paris, J. Schiffrin, 1927.

¹² Per quanto si sa non è mai andato in Grecia.

¹³ *Obrazy Italii* ebbe grande risonanza nella critica del tempo. Per quanto riguarda la recensione di Grifcov v. lettera seguente.

¹⁴ Si tratta del racconto fantastico di W. Beckford tradotto da B. K. Zajcev con l'introduzione di Muratov: *Vatek, Arabskaja skazka*, K. F. Nekrasov, Moskva, 1912. Nel 1916 ne venne pubblicata senza alcuna variazione la seconda edizione.

¹⁵ Diversi critici, tra cui anche Kuzmin ("Apollon" 1912, 2), espressero il loro compiacimento per la pubblicazione del racconto, lodandone sia la traduzione che la prefazione.

[Рим] 9. IV. 1912

Дорогой Боря,

сегодня прочел рецензию¹ в "Русской Мысли". Явно видно, что с ней что-то сделано. Узнаю глупость Брюсова-редактора,² знакомую мне еще со времен "Весов"³

За всякие добрые слова благодарен тебе. Что же касается до венецианских пропусков, то часть их (Джорджоне, Веронезе, Палладио) будет заполнена концом 3-го тома долженствующим именоваться "Венецианским эпилогом".⁴ Когда это будет однако неизвестно.

Относительно твоей римской "подготовки"⁵ думаю, что здесь на месте можно будет скоро сделать многое. Может быть вместе походим по разным местам. Советую только раздобыть все-таки Вельфлина.⁶ Не думаю чтоб ты принял для себя его точку зрения. Но это точка зрения "педагогически" весьма удобна и нисколько не зазорна. Книга его о классицизме есть и во французском переводе (и даже лучше издана).⁷

Еще раз благодарю за всяческое внимание.

Преданный П. Муратов

¹ Si fa riferimento alla recensione di *Obrazy Italii*, pubblicata da B. Grifcov su "Russkaja Mysl" nel marzo 1912 (pp. 91-92).

² V. Ja. Brjusov (1873-1924) è responsabile tra il 1910 e il 1912 della sezione letteraria di "Russkaja mysl", cui continua a collaborare anche dopo aver lasciato la redazione per contrasti con il direttore P. B. Struve. Nel suo archivio (OP Rossijskoj Gosudarstvennoj Biblioteki, F. 386, 95.40) si conservano due lettere di Muratov da Roma (23/10 maggio e 5 giugno 1911): nella prima il critico si scusa di non aver ancora spedito l'articolo promesso sulle mostre in corso, e nella seconda lo informa di non poter tenere fede all'impegno.

³ Muratov collaborò a "Vesy" per un breve periodo tra il 1906 e il 1907 con recensioni a libri e mostre d'arte. Non siamo in possesso di documenti che ci

illuminino sui suoi rapporti con Brjusov, ma il fatto che scrivesse con assiduità per riviste schierate contro “Vesy”, come “Zolotoe runo”, “Pereval”, “Literaturno-chudožestvennaja nedelja”, ci induce a pensare che fossero conflittuali.

⁴ Questa parte venne inserita nel terzo volume di *Obrazy Italii*, pubblicato per la prima volta integralmente insieme alla riedizione dei primi due volumi nel 1924 a Berlino dalla casa editrice Z. I. Gržebin. Da una lettera di Muratov del 12 ottobre 1912 a Sergej Konstantinovič Makovskij (1877-1962), storico dell'arte ed editore di “Apollon”, “Starye gody” e “Russkaja ikonopis”, veniamo a sapere che Makovskij aveva proposto a Muratov di pubblicare alcuni capitoli del terzo volume di *Obrazy Italii* su “Apollon”: “Помещением в “Аполлон” главы 3-го тома я был бы чрезвычайно польщён, к сожалению и 3 том и все другое отодвинуто сейчас от меня работой для Грабаря...” (Archivio del Museo Russo, F. 97, S. K. Makovskij, ed. chr. 174); l'iniziativa non ebbe seguito. Nell'archivio della casa editrice M. i S. Sabašnikov è conservato un contratto in cui Muratov si impegna a consegnare il terzo volume di *Obrazy Italii* il 1 aprile 1919 e l'editore a pubblicare tutti e tre i volumi nel corso dello stesso anno (OR Rossijskoj Gosudarstvennoj Biblioteki, F. 261, k. 8, ed. chr. 47), ma anche questa volta il progetto non viene realizzato. Muratov pubblica allora parte del terzo volume nella serie “Rukopisnye izdanija”, nata per iniziativa della Kniznaja lavka pisatelej nell'ottobre del 1920 (cf. Osorgin 1921: 29-31).

⁵ Nella autobiografia (archivio B. A. Grifcov, CGALI, F. 2171, op. 1, ed. chr. 11) Grifcov scrive di aver accompagnato nelle estati dal 1910 al 1914 in gite di istruzione gruppi di insegnanti a Roma e a Venezia su incarico dell'ufficio turistico dell'O. R. T. Z. (Obščestvo rasprostraneniija tehničeskich znanij). La promotrice dell'iniziativa è la contessa V. N. Bobrynskaja (*Obrazovatel'nye ekskursii*, “Utro Rossii” 25. XI. 1909, N. 41-8, p. 5). Nel 1914 Grifcov pubblica un volumetto su Roma (*Rim*, Moskva 1914) e una guida alla città con la piantina (*Rim s planami goroda i muzeev*, Mosca 1914).

⁶ Muratov si riferisce al saggio dello storico dell'arte svizzero Heinrich Wölfflin (1864-1945) *L'arte classica* (*Die Klassische Kunst*, 1899), pubblicato in russo a San Pietroburgo nel 1912.

⁷ Poiché ne elogia la fattura, Muratov si riferisce forse all'edizione francese del 1911, tradotta da Conrad de Mandack e corredata di 80 tavole fuori testo: *L'art classique; initiation au génie de la renaissance italienne*, Paris, Ed. H. Laurens.

[Севастополь] 3 нояб[ря] 1915]¹

Дорогой Боря, приближается срок твоего приезда. Представляешь ли ты себе все подробности этой процедуры? Мне

думается не очень. Я же, по условиям нынешнего моего быта, вероятно, более осведомлен обо всем этом, вот почему и надумал тебе написать.

Что касается срока, то для тебя я не думаю, чтоб он был раньше марта или апреля. Впрочем это только предположение, может быть и неверное.

В твоём положении возможны два рода действий: дожидаться пассивно событий или предупредить их. В первом случае тебе придется пройти всю очень тяжелую процедуру “забора” со всей толпой, затем тебя пошлют куда-нибудь в запасный батальон и лишь оттуда, по прошествии некоторого срока (может быть месяца 1 1/2), командируют в школу прапорщиков. Все это настолько тяжело, что конечно гораздо хуже всякой *самой* войны. Казалось бы, *ни в коем случае* не следует допускать себя до этого. Надо следовательно “предупредить события”. Самый тяжелый выход, это поступить самому до срока в школу прапорщиков. И вот относительно этого я хотел тоже тебя предупредить. Школы пехотных прапорщиков учреждения *необыкновенно* тяжелые по своему режиму. Если выжать “дисциплинарный” экстракт из обычного военного (юнкерского) училища и “сгустить” его раз в десять, то получится атмосфера школы прапорщиков. Очень многие не выдерживают связанных с этим тягот физических и психических и тогда отсылаются в полки без дальнейших надежд. Вот почему и от этого хотелось бы также тебя предостеречь. Остаются три выхода, к которым непременно надо² прибегнуть также до срока, т.е. в январе что ли или феврале. 1) Поступить в артиллерийское училище. 2) Поступить в какую-нибудь часть вспомогательно тылового характера, например в автомобильную роту или нечто подобное, вольноопределяющимся и оттуда же идти в школу, а получить прапорщика в своей части. 3) Поступить в учреждение земского, городского союза или общедворянской организации или еще какой там на должность *помощника уполномоченного* или *делопроизводителя* или *заведующего хозяйством* — кои три должности освобождают от призыва.

Третий исход конечно самый лучший и правильный, и думаю, что путем действия через твоих общественных знакомых типа граф[ини] Бобринской³ или Коммисси, и ты можешь к нему придти, начав действовать теперь же. Второй исход

тоже не плох, но труден, нужны тоже знакомства, но военные, хотя может быть та же Бобринская может и тут пригодиться.⁴ Первый исход т. е. артиллерийск[ое] училище в какой-то мере делит недостатки школы прапорщ[иков] (но мягче конечно). Училищ 3. В Петерб[урге] Константиновское и Михайловск[ое], в Одессе Сергеевское. Принимают в первую очередь вольноопред[еляющихся] с войны, затем по конкурсу аттестатов, преимущество дается Высш[им] учеб[ным] зав[еде- ниям]. Попастъ нелегко, но не невозможно. Обучение 5 1/2 мес[яцев]. Сроки приемов когда, не знаю. Я бы на твоём месте стал бы искать 2-го или 3-го выхода через всех людей и всеми способами и со всей настойчивостью. Не война тяжела, а все предшествующее, что надо пройти.

Твой П. Муратов

¹ Allo scoppio della guerra Muratov venne richiamato come ufficiale d'artiglieria prima nella batteria obici sul fronte austriaco e poi nella contraerea a Sebastopoli (cf. Zajcev 1988: 161 e lettera del 18.5.1917).

² [можно было бы] è stata cancellato.

³ Varvara Nikolaevna Bobrinskaja, contessa, scrittrice e publicista di orientamento liberale, collaboratrice di "Russkie Vedomosti". Nel 1908-1909 pubblica a Mosca il mensile illustrato "Severnoe sijanie". Presidentessa della commissione dell'O. R. T. Z. fondata nel 1909 con lo scopo di organizzare viaggi d'istruzione all'estero per insegnanti. (cf. nota 5 della lettera del 9. IV. 1912).

⁴ Segue [Третий] cancellato.

[Севастополь] 25 фев[раля] 1916]

Дорогой Боря, очень был рад твоему мнению. Неужели правда это стоящее нечто. Я как-то вдруг потерял критерий. Писал я это потому что вдруг как-то пришла фантазия (всего написано 3¹ таких штуки), и послал в Р[усские] В[едомости], потому что деньги нужны, а разумные фельетоны надоели.² Напечатаны уж они конечно только по протекции — Мануйлов³ старый знакомый (отчасти и из благотворительства я думаю). Но я все-таки не ожидал и решил было все это изъять из портфеля редакции!

Все же впредь вряд ли удастся продолжить серию. Настроение у меня отвратительное, а как начитался я Corre-

spondance Флобера⁴ — стало и вовсе невозможное. Ужасная это книга и во многом верная.

Очень хорошо, если напечатаешь Мэри.⁵ Ужасно меня беспокоит предстоящее тебе — не опасность, но мелочи и глупости всякие такие, какие вообще трудно соединимы с представлением о тебе.

Блока повидать хорошо бы, но какой уж тут Блок!⁶

Твой П. Муратов⁷

¹ Si tratta dei racconti di Muratov, pubblicati su "Russkie Vedomosti" nel 1916: *Geroi i geroini: Lonskij*, 21 febbraio, n. 49, pp. 4-5; *Geroi i geroini: Matteo Vol'pi*, 15 maggio, n. 112, pp. 4-5; *Geroi i geroini: Mod Kemron*, 24 giugno, n. 145, p. 5. In seguito *Lonskij* venne pubblicato nella raccolta *Geroi i geroini*, Gelikon, Moskva 1918 (II ediz. *Vozroždenie-La Renaissance*, Paris 1929); *Mod Kemron* venne pubblicato in *Geroi i geroini*, Gelikon, Moskva 1918, e in *Konkvistadory, Osada Levellina, Mod Kemron*, Gelikon, Moskva-Berlin 1922.

² Si fa riferimento agli articoli di Muratov pubblicati in "Russkie Vedomosti" tra il 1915 e il 1916 (*Vo vremja vojny: V godovščiny Vaterloo*, 9 agosto 1915, n. 183, p. 6; *Vo vremja vojny: Knigi vojny*, 19 settembre 1915, n. 214, p. 5; *Vo vremja vojny: Nacional' naja oborona*, 9 dicembre 1915, n. 282, pp. 2-3; *Vo vremja vojny: Novyj čelovek*, 29 dicembre 1915, n. 297, p. 3; *Vo vremja vojny: Real' naja politika*, 13 gennaio 1916, n. 9, p. 3.

³ Aleksandr Apollonovič Manujlov (1861-1929), economista, membro del comitato centrale del Partito dei cadetti; nel 1906 entra a far parte della cooperativa letteraria di "Russkie Vedomosti". Nel 1917 è nominato ministro dell'istruzione nel Governo Provvisorio.

⁴ Il particolare interesse dimostrato dal gruppo simbolista e post-simbolista per le lettere di Flaubert è testimoniato dalla traduzione di brani scelti dall'Epistolario pubblicati proprio in quegli anni: G. Flober, *Izbrannye mesta iz pisem Flobera*, Perevod S. L. Franka, "Russkaja mysl'" 1916, n. 2, pp. 131-178; n. 3, pp. 139-170. La traduzione è condotta sull'edizione francese in 5 volumi: G. Flaubert, *Correspondance*, Paris, Louis Conard, 1910; si tratta della prima edizione contenente tutte le lettere dal 1830 al 1880 più le lettere alla nipote Caroline, di cui sono state tirate cinquanta copie numerate, in carta di riso.

⁵ Il racconto di Muratov *Meri* verrà pubblicato solo nel 1923 su "Epopeja" (n. 4, pp. 34-41).

⁶ Scarse sono le notizie sui rapporti tra Blok, Grifcov e Muratov, l'unica testimonianza sono due lettere conservate nell'archivio di Blok, in cui Muratov invita il poeta a collaborare alla rivista "Sofija".

⁷ Scritto nel margine superiore della lettera per mancanza di spazio.

[Севастополь] 23. [3.1917]

Дорогой Боря,

несколько замедлил отозваться на твое письмо по [профессиональной] причине — все эти дни сижу по 6 по 8 часов за переводом книги Бернсона¹ которую для ради денег надо сдать поскорее. А когда так много пишешь, то почему-то трудно писать письма. В голове же у меня все время сидело то, что я хотел написать тебе. Но как странно — в какое время мы живем! — все это уже как-то иначе, ибо жду подтверждения только известию о присоединении к нам Америки.² Я хотел было писать тебе о глубоко ликвидативном настроении, в котором был, начиная с осени, отчасти по умозрению, больше же под влиянием личных наблюдений и многих, многих свидетельств.

Все это конечно и сейчас так, но все же, от всего сердца скажу слава Богу — видимо дело Германии плохо, и жить им повидимому невероятно трудно стало.

И те прежние и нынешние соображения заставляют меня очень желать, чтобы не так уж в слепую был "кинут твой жребий".

Не такой сейчас момент для этого. Напиши как обстоит дело и где ты будешь.

Очень бы хотел повидаться, поговорить.

Крепко жму твою руку.

П. Муратов

¹ Bernson Bernchard, *Florentijskie živopiscy vrozždenija*, Moskva, Sacharov, 1923, traduzione e prefazione di P. P. Muratov.

² Il 2 aprile 1917 gli Stati Uniti proclamano il loro intervento nel conflitto mondiale a fianco dei paesi dell'Intesa.

[Севастополь]18 V 1917

Дорогой Боря

прости что задержался ответить тебе. Прежде всего очень тебе благодарен. Хорошо и даже необходимо было бы, если бы что вышло с Вашей газетой.¹ Одновременно с этим пишу твоему князю Друцкому.² Что же мне Вам с ним предложить? Самое естественное и, пожалуй, полезное для Вас, это было бы писать обзоры действий на Западном и Итальянск[ом] фронте. Ведь я действительно знаю их как мало кто в России. Но ведь по почте это невыносимо. Получится опоздание. Поэтому приходится предложить то же в общем, что я делал в "Русск[их] Вед[омостях]" — свободные фельетоны на разные близкие к войне или прямо военные темы. Такие фельетоны (недлинные) я мог бы писать раз в неделю под общим заглавием "Вокруг войны". Не дожидаясь ответа от Друцкого, пошлю когда приеду, два подобных фельетона: "Интернационализм и Национализм" и "Война в Италии".³ Если вы напечатаете, буду посылать и далее.

Révolte des Anges⁴ я просил Мар[ию] Серг[еевну]⁵ предложить через Зайцева⁶ Книг[оиздательству] Писателей.⁷ Пока ответа не получил. Жду что будет.

Течение твоих мыслей в общем мне близко и понятно. Пожалуй я более определенный пессимист чем ты, но несколько от этого не мрачен. Решительно ничему не удивляюсь и готов "envisager les pires conséquences". Место новой политики у меня занимает служба, сейчас очень ответственная, ибо я не только ношу странный титул "Начальник Воздушной борьбы",⁸ но и распоряжаюсь десятком зенитных батарей, кучей прожекторов и т. д. В политике же я лишь безгласный "делегат от части"⁹ (один из 4).

Что касается Севастополя, то здесь недурно, хотя, конечно, далеко не рай, и мы с улыбкой думаем, что наши "марсельцы"¹⁰ могли найти применение и у себя дома. Прекрасный все же народ матросы. Кстати: "матрос Баткин"¹¹ отнюдь не матрос, а студент, еврей и пор[ядочный] нахал.

Твой П. Муратов

¹ Si fa riferimento al quotidiano politico e militare, diretto dal principe Sergej Aleksandrovič Druckoj, "Vojna i Mir", che uscì a Mosca dal 6 giugno 1917 al 25 ottobre 1917, 119 numeri in tutto, cui collaborano Muratov e Grifcov con lo pseudonimo di Praporščik Bagrov.

² Sergej Aleksandrovič Druckoj (1869 - ?), generale di corpo d'armata, professore di diritto penale militare. Pubblicò articoli su questioni giuridiche sul "Varšavskij dnevnik", sui quotidiani "Rus'", "Slovo", "Voennyj golos" e sulla rivista "Pravo". Collaboratore della "Voennaja enciklopedija".

³ Il primo articolo non venne pubblicato, il secondo uscì su "Vojna i mir" (*Vokrug vojny: Vojna Italii*, 24 giugno 1917, n. 17, p. 1).

⁴ La traduzione russa del romanzo di Anatole France a cura di Muratov esce nel 1918 (Anatol' Frans, *Vosstanie angelov*, Severnye dni, Moskva 1918).

⁵ Marija Sergeevna Urenius (1884-?), storica e critica d'arte, sorella di Ekaterina Sergeevna Urenius, traduttrice, seconda moglie di Muratov. Partecipò ai lavori della Commissione dell'O. R. T. Z., accompagnando gli insegnanti in gite di istruzione all'estero; lavorò alla sezione per la difesa dei beni artistici del Narcompros, alla biblioteca del Museo Rumjanskij e come guida alla galleria Tret'jakov. Scrisse per la collana "Iskusstvo" curata da Muratov tre monografie: *A. T. Venecianov i ego škola, Vereščagin, Kramskoj i Ge*; la prima venne pubblicata dal Gosizdat nel 1925, le altre rimasero inedite poiché la collana fu sospesa (cf. l'archivio della Gosudarstvennaja Akademija Chudožestvennyh Nauk: CGALI, F. 941, op. 10, ed. chr. 633).

⁶ B. K. Zajcev (1881-1972) collabora al Knigoizdatel'stvo Pisatelej, dove pubblica la prima edizione delle sue opere in tre volumi (1916-1919).

⁷ La casa editrice Knigoizdatel'stvo Pisatelej (1912-1919) è fondata a Mosca per iniziativa dei membri del circolo letterario "Sreda" con lo scopo di contrastare la letteratura decadente e pubblicare opere di autori russi e stranieri di orientamento realista.

⁸ Cf. nota 1 della lettera del 3 novembre 1915.

⁹ Probabilmente Muratov è delegato della sua unità al comitato di guarnigione.

¹⁰ Muratov allude ai rivoluzionari russi, entrati a far parte della delegazione della Flotta del Mar Nero, associandoli ai volontari marsigliesi, che nel 1792 entrarono a Parigi cantando l'inno *Chant de guerre pour l'armée du Rhin*, scritto nell'aprile del 1792 da Claude Joseph Rouget de Lisle e passato alla storia come *Marsigliese*.

¹¹ F. Batkin, socialista rivoluzionario, rappresentante della delegazione dei marinai rivoluzionari della Flotta del Mar Nero, impegnati al fronte e nelle retrovie dopo la rivoluzione di febbraio (cf. *Delo o F. Batkine*, "Izvestija Sevastopol'sko-

go Soveta Deputatov Armii, Flota i Rabočich", 1917, 25 giugno, n. 35, p. 3). A lui è attribuita l'iniziativa di formare battaglioni d'assalto con volontari e soldati, disposti a battersi all'ultimo sangue per la libertà della patria, che si attuò nella primavera-estate del 1917 per porre freno alla disorganizzazione dell'esercito russo.

[Севастополь, май 1917 г.]

Дорогой Боря,

вчера послал вторую статью "Война Италии".¹ Боюсь что она несколько длинна. Сократи ее пожалуйста на 1/4-1/3 как и где тебе вздумается. *И вообще прошу тебя поступать так со всеми статьями моими, если это понадобится.*

Мне было бы очень важно сейчас, чтобы вы их печатали и платили деньги. Переживаю жесточайший денежный кризис. К 1-ому обязательно надо получить хоть что-нибудь. Третью статью напишу, если поместят первую.²

Тяжело вообще. Измучили меня 3 года финансовой эквилибристики.

Газета ваша вполне приличная, но бледноватая, и читателя её я не очень представляю. Долго не проживет если ее не будут выписывать части и комитеты.³

* Читал ли "Энкарнасьон"⁴ и как тебе показалось. Что Зайцев?

Твой П. Мур[атов]

¹ Cf nota 4 della lettera del 18.5.1917.

² Cf. nota 3 della lettera del 18. 5. 1917.

³ Dopo il febbraio 1917 fu stabilito dal Soviet di Pietrogrado che i soldati e i marinai di tutte le compagnie, dei battaglioni e delle altre unità militari e navali avrebbero eletto dei comitati, la cui funzione sarebbe stata soprattutto quella di mediare i rapporti tra le categorie. In seguito al decreto sorsero vari comitati, dove ufficiali e soldati erano rappresentati sia uniti che separati.

⁴ Si tratta del racconto di Muratov pubblicato su "Russkie Vedomosti" nel 1917, *Enkarnas'on*, 4/17 giugno, n. 125, pp. 2-3, in seguito pubblicato in *Geroi i geroini*, Moskva 1918 (II ed. Vozroždenie-La Renaissance, Paris 1919).

[Севастополь] 28 [июня 1917]

Дорогой Боря,
недавно получилась газета со статьей, а сегодня твое письмо.

Я давно уже понял по характеру газеты, что “Интернационализм”¹ для вас слишком националистичен.

Когда я писал его я думал написать “правду” (ей Богу же это правда!), но разумеется не думал, что эта правда кому-нибудь на свете нужна. Не стоит поэтому особенно заботиться о судьбе “Интернационализма” — цель его лишь в мере заработка.

Получив номер со статьей я послал еще одну кажется достаточно скромную военную статью.² Намерен и в дальнейшем посылать таковые³ же, и могу это делать хоть каждую неделю, если только будут платить деньги. Ах как нужны деньги!

Спасибо тебе за всяческое содействие.

Сейчас говорят, что взят Галич.⁴ По моему, это важно и хорошо.

В феврале во всяком случае будем свободными людьми.

Твой П. Муратов

¹ Cf. nota 3 della lettera del 18.5.1917.

² Cf. P. Muratov, *Vokrug vojny: Vtorostepennye fronty*, “Vojna i Mir”, 5 luglio 1917, n. 26, p. 2.

³ Muratov affida agli articoli su “Vojna i Mir” una serie di riflessioni sulla guerra, sulle manovre militari e sul futuro dell’Europa, riflessioni che confermano la sua posizione occidentalista: la Russia è saldamente legata alla cultura europea, pur fungendo da anello di congiunzione con il lontano Oriente (cf. *Istoričeskaja linija*, 16 luglio 1917, n. 36, p. 2; *Zavtrašnjaja Evropa*, 17 settembre 1917, n. 87, p. 2; *Cezarism*, 23 settembre 1917, n. 92, p. 3; *Provy ili manevr?*, 7 ottobre 1917, n. 104, p. 2).

⁴ Su “Russkie Vedomosti” del 28 giugno (11 luglio) 1917 si annuncia che l’esercito russo ha conquistato Galič, città della Galizia orientale.

BIBLIOGRAFIA

- Alpatov M.
1976 *Le icone russe*. Torino, Einaudi, 1976.
- Berdjaev N. A.
1991 *Samopoznanie*. Moskva, Kniga, 1991.
- Chodasevič V. F.
1982 *Belyj koridor. Vospominanija*. New York, Serebrjanyj vek, 1982.
- Grabar' I.
1977 *Pis'ma 1917-1941*. Moskva, Nauka, 1977.
- Grifcova M. I.
1979 *Iz vospominanii ob Institute ital'janskoj kul'tury v Moskve*. — In: *Dantovskie čtenija 1979: 260-266*.
- Muratov P. P.
1912 *Obrazy Italii*. Moskva, Naučnoe Slovo, vol. I, 1912
1913 *Merime*. — In: P. Merime, *Izbrannye rasskazy*. Moskva, K. F. Nekrasov, 1913, pp. I-IX.
1914 *Predislovie*. — In: V. Lee, *Italija*. Moskva, M. i S. Sabašnikov 1914, pp. 7-11
1923 *Lo studio italiano di Mosca*. — *Russia 2* (1923): 361.
- Osorgin M.
1921 *Rukopisnye izdanija*. — In: *Sredi kolekcijerov 3* (1921): 29-31
1923 *Kniznaja lavka pisatelej*. — *Novaja Russkaja Kniga 3/4* (1923): 38-40.
- Pasquinelli A.
1986 *La vita e le opinioni di M. A. Osorgin (1878-1942)*. Firenze, La Nuova Italia, 1986.
- Pater W.
1965 *Il Rinascimento*. Napoli, Edizioni Scientifiche Italiane, 1965.
- Stepun F.
1990 *Byvšee i nesbyvšee*. London, Overseas Publications Interchange, 1990.
- Zajcev B. K.
1960 *Moskva. München, COPE*, 1960.
1988 *Moi sovremennikj*. London, Overseas Publications Interchange, 1988.
1992 *Zolotoj uzor*. Moskva, Interprint, 1992.